

А. П. ЧЕХОВ
В ВОСПОМИНАНИЯХ
СОВРЕМЕННИКОВ

СБОРНИК

Под редакцией
А. К. КОТОВА

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1 9 4 7

А. П. ЧЕХОВ

Первая встреча с Антоном Чеховым — одно из самых светлых воспоминаний моей молодости. В редакциях юмористических изданий, куда мне приходилось заходить за гонораром, Чехов в это время уже почти не бывал. Я пришел к Чехову по его приглашению в 1887 году, когда звезда его начала восходить ослепительно ярко после ряда великолепных беллетристических «субботников», появившихся в «Новом времени» — «Агафья», «Ведьма», «Мечты»¹, — просидел у него целый вечер и ушел с таким впечатлением, как будто мы были знакомы несколько лет.

Пришел я в сумерки; в течение длинного зимнего вечера я не раз поднимался и начинал прощаться, но Чехов говорил:

— Ну, что там! Садитесь. Ни я, ни вы работать сегодня не будем (это был вечер Нового года). Потолкуем!

— Потолкуем!

Это был магнит, который при дальнейшем знакомстве неизменно притягивал меня к одному из больших и мягких кресел чеховского кабинета. Порой, придя, я заставлял Чехова за работой, спешил проститься, но Чехов неизменно говорил:

— Сядьте. Я скоро кончу. Потолкуем.

Я познакомился с Чеховым, когда он жил на Кудринской Садовой в доме д-ра Корнеева, в оригинальном, как рассказы Чехова, флигеле, похожем на маленький

замок; хорошо помню полукруглые окна, выходившие на Садовую, в форме башенных. Квартира была расположена в двух этажах. Во втором этаже жили мать, отец и сестра Чехова, внизу был большой кабинет писателя и две спальни — его и брата Михаила, студента, кончавшего юридический факультет. Из нижнего в верхний этаж вела красивая чугунная лестница с широкой площадкой на повороте, на которой лежало отличное чучело волка. В большой комнате верхнего этажа, расположенной над кабинетом Чехова, я помню пианино, аквариум, нарядную мебель и большую картину Николая Чехова, талантливо начатую, но заброшенную и не законченную им. Картина изображала швею, уснувшую на рассвете над работой. Вероятно, об этой картине Чехов писал брату Александру в апреле 83-го года: «Николай шалаберничает; гибнет хороший, сильный русский талант, гибнет ни за грош. Ты видишь его теперешние работы. Что он делает? Делает все то, что пошло, копеечно... А между тем в зале стоит начатой замечательная картина». Эта начатая, может быть, даже ранее 83-го года картина не была законченной и в 84-м году. Да, вероятно, так незаконченной и осталась.

Указав на аквариум, пианино и мебель, Чехов сказал мне:

— Хорошо быть литератором, А. С. Это все дала мне литература.

Но когда я с некоторым почтением взглянул на вещи, данные литературой, Чехов рассмеялся и пояснил, что пианино взято им напрокат, а часть мебели принадлежит его брату Николаю. Кажется, это была в некотором роде «литературная» мебель. В письме к брату Александру в апреле 83-го года Чехов пишет: «Живем сносно. Есть пианино, мебель хорошая. Помнишь уткинскую мебель? Теперь вся она у нас».

Уткина была издательницей «Будильника» и после продажи журнала, вероятно, уехала из Москвы.

В кабинете Чехова близ входа в его спальню открытые полки с книгами тянулись от потолка. Это была библиотека Чехова, составившаяся по преимуществу с помощью покупок на старой московской Сухаревке, положившей начало библиотекам многих московских писателей и журналистов. Кстати: одна из моих сухарев-

ских покупок чуть-чуть огорчила Чехова: почти вслед за выходом его сборника «В сумерках» я купил на Сухаревке сборник стихотворений Минаева «В сумерках»², вышедший в очень красивой красочной обложке в Петербурге в конце шестидесятых годов. Чехов не знал, что книга с заглавием его сборника уже была раньше в продаже.

Книг в библиотеке Чехова жалось друг к другу не мало, быть может, до тысячи и даже значительно больше; все они имели очень зачитанный вид. Здесь были старые, разрозненные толстые журналы, отдельные томики разных авторов, имевших некоторое влияние на творчество Чехова; покупалось все это в разное время, понемножку, при получении из редакции более крупного гонорара или аванса; полные собрания сочинений в те времена стоили дорого, и на них у Чехова нехватало денег. Да и помещение ранее не позволяло особенно шириться его библиотеке. Из переписки Чехова видно, в каких квартирах приходилось ему жаться до сравнительно большой квартиры в доме Корнеева, в которой было комнат шесть или семь.

Из книг чеховской библиотеки отмечу «Жен артистов» Додэ, которых Чехов пародировал в «Альманахе Будильника» на 1882 год³, «Записки мелкотравчатого» Дрианского⁴, знакомство с которыми помогло Чехову внести много оригинальных охотничьих терминов в его имевшую хороший успех пьеску «Предложение», томики Брет-Гарта, Золя, «Калифорнийский рудник» Дмитрия Гирса, талантливого сотрудника «Отечественных записок»⁵. Чехов любил покупать старинные книги и курьезные, вроде «письмовников». Одна из старинных, купленных Чеховым на Сухаревке, книг — «Толкователь слов разных и терминов иностранных, в российском флоте употребляемых» (заглавие цитирую на память, приблизительно), — по словам Чехова, дала ему тему для превосходного юмористического рассказа об отставном контр-адмирале Ревунове-Караулове, приглашенном в качестве почетного гостя на свадьбу и доведшем толкованием морских терминов всех хозяев до белого каления. Юмористический рассказ этот — «Свадьба с генералом» — впервые был напечатан в № 50-м «Осколков» за 1884-й год. Этот же персонаж под именем Федора

Яковлевича Ревунова-Караулова, капитана 2 ранга, позже вошел в забавную пьеску Чехова «Свадьба». Перечитывая рассказ о контр-адмирале, нельзя не восхищаться тем искусством, с каким фантазия Чехова облекла сухие морские термины в плоть и кровь.

По поводу одного из «письмовников» память моя сохранила такую сцену. Однажды в Бабкине или Мелихове, в серый день, когда стекла окон стали тусклыми от потоков дождя, Чехов достал какой-то «письмовник» и начал читать его мне и Ивану Павловичу, гостившему в деревне. Читал он очень забавно, а письма были почти сплошь такой отчаянной чепухой, что мы все не могли не смеяться, и скука, навеянная серым днем, от нас отошла.

Но вернусь к дому Корнеева на Садовой.

Взяв одну из книг чеховской библиотеки, я уходил с головою в чтение, а Чехов оканчивал начатый рассказ, тщательно обдумывая каждую фразу, медленно нанизывая строчки, как медленно нижут тонкие искусные пальцы жемчуг для какой-нибудь пленительнейшей из драгоценных вещей. Времена небрежного многописания в эти дни уже безвозвратно прошли для Чехова; «Антошу Чехонте» сменил взыскательный художник, не допускавший неряшливости письма в собственной работе и строго относившийся к неряшеству в работе других.

Чехов не был скороспелым баловнем фортуны и успеха добился медленным, тяжелым, почти «каторжным» трудом, как определял его труд в письме ко мне ранее меня познакомившийся с Чеховым петербургский журналист и секретарь «Осколков» — Билибин⁶. Чехова мало знали даже после ряда прелестных маленьких вещей. Горькая ирония чеховского «Пассажира 1-го класса»⁷, несомненно, имеет автобиографические черты.

Однажды, кажется, даже при первой встрече, я спросил Чехова:

— У вас много знакомых?

Чехов ответил:

— Нет.

Я удивился; я сказал, что, сидя в глуши покровских лесов⁸, думал об обширном кружке его московских знакомых, но он только рукою махнул:

— Полноте, кому нужны мы, пишущие люди? Кто интересуется нами? Вы знаете, я окончил Московский университет. В университете я начал работать в журналах с первого курса; пока я учился, я успел напечатать сотни рассказов под псевдонимом «А. Чехонте», который, как вы видите, очень похож на мою фамилию. И решительно никто из моих товарищей по университету не знал, что «А. Чехонте» — я, никто из них этим не интересовался. Знали, что я пишу где-то что-то, и баста. До моих писаний никому не было дела.

Как курьез, мимоходом отмечу, что угадать Антона Чехова в «Антоше. Чехонте» было до крайности легко еще потому, что масса страниц, хотя бы в московском журнале «Зритель», состояла из текста Антоши Чехонте, иллюстрированного рисунками его брата Н. Чехова, ставившего под ними свою полную подпись. Но никто не хотел угадывать.

В сумбурной статье Н. М. Ежова о Чехове («Истор. вестник», 1909), автор уверяет, что переписка Чехова не может дать о нем надлежащего представления, ибо в письмах своих Чехов «прихорашивался», а вот если бы расспросить товарищей Чехова по университету, их рассказы, несомненно, дали бы интереснейший сырой материал.

Уже из рассказов самого Чехова ясно, какой материал о нем могли дать его товарищи по университету. И действительность совершенно не подтвердила предположений Н. М. Ежова. Как раз в последние годы судьба сводила меня с товарищами Чехова по университету, но кроме того, что Чехов ходил на лекции аккуратно и садился где-то «близ окошка», мне от них ничего не пришлось услышать. Они не могли дать ни одной характерной бытовой черты.

Но вышеописанное равнодушие не вызывало ответного равнодушия Чехова. Чехов был одним из самых отзывчивых людей, которых я встречал в своей жизни. Для него не существовало мудрого присловия «моя хата с краю, я ничего не знаю», которым практические люди освобождаются от излишних хлопот. Услышав о чьем-либо горе, о чьей-либо неудаче, Чехов первым делом считал нужным спросить:

— А нельзя ли помочь чем-нибудь?

Необычайно трогательна и характерна фраза Чехова, которую вспоминает, кажется, Мария Павловна, на тему о том, что на каждую просьбу нужно отозваться, и если нельзя дать того, что просят, в полной мере, то нужно дать хоть половину, хоть четверть, но дать непременно.

Эту отзывчивость Чехов пронес через всю свою жизнь, как драгоценное вино, не расплескав, не утратив ни капли.

В письменном столе Чехова вечно лежали чужие рассказы, он исправлял их, рассылал в те издания, где сам работал, даже в те, где сам не работал, в «Московскую иллюстрированную газету», например; давал советы начинающим авторам, если видел в них хотя тень дарования; хлопотал об издании книг тех беллетристов, у которых уже успели накопиться материалы для книг.

— Вам нужно издаться! — говорил он много раз мне и другим беллетристам. — Вас будут знать. Выпущенная книга повысит ваш гонорар.

На робко брошенные мысли, что издаться не легко, что охотников до издания книг начинающих авторов не много, Чехов возражал:

— Пустяки! Подождите, нужно будет придумать что-нибудь.

И, конечно, при своих литературных связях он придумывал кое-что и находил для своего протеже издателя.

На первом же году знакомства Чехов спросил меня:

— Скажите, А. С., сколько в месяц дает вам литература?

Я мысленно подсчитал свой месячный заработок и назвал цифру; цифра оказалась очень маленькой.

Чехов нахмурился:

— Так мало?!

— Что же делать? Мои литературные заработки случайны.

В первые годы писательства я работал только в юмористических журналах, а журналы эти не особенно щедро оплачивали литературный материал; щедрее других был Лейкин, который, кроме того, желая привязать меня к «Осколкам», печатал мои статьи с таким расчетом, чтобы в месяц мне набегало не менее 35 — 40 рублей.

Это была моя «осколочная» рента. Но другие редакторы юмористических изданий совершенно моих интересов не блюли. И то я застал уже лучшие времена, когда гонорар выплачивался везде без задержки. С худшими познакомился при начале своей литературной карьеры Чехов: «Осколков» еще не существовало, а в Москве аккуратно платили гонорар далеко не везде и не всегда.

Разговор о моих скудных литературных заработках оборвался, но Чехов его не забыл; через два-три месяца он решил бросить работу в «Петербургской газете»⁹, где около трех лет довольно аккуратно печатал беллетристические наброски по понедельникам; в это время Чехов уже закончил «Степь»¹⁰, и «Петербургская газета» не представляла для него интереса. И вот, в результате решения расстаться с газетой, ко мне в глушь Покровского уезда пришло из Москвы такое письмо от Чехова, помеченное 22 марта 1888 года.

«Милейший Александр Семенович! Для вас представляется возможность работать в «Петербургской газете». Если вы согласны (наверное, да), то поспешите написать Лейкину приблизительно следующее:

«Чехов писал мне, что вы согласны взять на себя труд познакомить меня с «Пет. Газ.» и порекомендовать меня ей для понедельников. Благодаря вас за любезность, я спешу воспользоваться и проч. и проч.»

Что-нибудь в этом роде. Полюбезнее и официальнее. Само собой разумеется, что, начав работать в «Газете», вы потеряете необходимость мыкать свою музу по «Развлечениям» и проч.

В Питере я прожил 8 дней очень недурно. Останавливался у Суворина: разливная чаша... Суворин замечательный человек нашего времени*.

Буду рад, когда вы напишете субботник. С Голике¹¹ не говорил о вашей книге, ибо он не был на вокзале среди провожатых. Впрочем, успеете.

Печатаем 2-е издание «Сумерек», новую книгу¹² и детскую книгу «В ученом обществе»¹³.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов».

* Позже взгляд Чехова на Суворина значительно изменился.

Конечно, Чехов и сам мог бы рекомендовать меня в «Пет. газету», но он боялся обидеть Лейкина; Лейкин считался столпом газеты и по традиции проводил туда сотрудников «Осколков»: ранее провел Чехова, в 1888 году — меня.

Я последовал совету Чехова и написал Лейкину; Лейкин ответил, что охотно рекомендует меня, и дал 2—3 дельных указания насчет «Пет. газеты»; помню, он советовал мне заботиться более о том, чтобы дебютный рассказ был свеж и занимателен, а не о том, чтобы он был юмористичен или смешон; для «Пет. газеты» этого не нужно. Дебютный рассказ у меня вышел удачным. Лейкин передал его в газету, в следующий же понедельник он появился в газете, а из редакции мне было при-слано письмо с предложением продолжать работу. Конечно, я откликнулся на предложение; около восьми лет я печатался по понедельникам на страницах «Пет. га-зеты», и это постоянное сотрудничество дало мне опреде-ленный, довольно значительный по тому времени, зара-боток и помогло из глухих лесов перебраться в Москву.

Когда после 5-6 рассказов, появившихся в газете, я приехал в Москву, Чехов весело сказал мне:

— Поздравляю!

— С чем это?

— Был у меня Худеков. Вы знаете, он в восторге от вас!

Худеков, проездом в Петербург, заглянул к Чехову и просидел у него вечер. Худеков просил Чехова не бро-сать «Пет. газету» совсем и хотя изредка давать туда рассказы, обещая платить, помнится, по полтиннику за строчку, что было значительно выше нововременского гонорара. Чехов рассказывал подробно, что именно гово-рил обо мне Худеков (я не помню этого), и ему было приятно передать хорошие вести. Позже, через год или полтора, вернувшись из Ялты, он также весело рас-сказал мне, что где-то за табльдотом в Ялте встречал-ся с моими поклонниками и слушал, как какой-то франт говорил франтихе:

— А знаете, Нина Яковлевна, нынче в «Пет. газете» опять рассказ «Грузинова» идет.

И мы оба смеялись, потому что русский человек не может не перевернуть фамилии автора в лучшем случае,

а в худшем на вопрос об авторе понравившейся ему вещи ответит вам простодушно:

— Фамилия автора? Ну, знаете, я ее не запомнил!

Не удосужившись во время пребывания в Петербурге поговорить об издании моей книги с Голике, Чехов впоследствии перетолковал об издании ее с Лейкиным, и первая книжка моих рассказов Лейкиным была издана.

Вот письмо Чехова об издании книжки от 31 августа 1888 года:

«31 августа 1888 г.

Простите, добрейший Александр Семенович, что я запаздываю ответом на ваше письмо; а ответ нужен, ибо мне заданы вами кое-какие вопросы.

Вопрос о книге, по моему мнению, должен быть решен в положительном смысле. Чем раньше, тем лучше.

Книга, извините за выражение, даст вам кукиш с маслом; пользу от нее (14 р. 31 коп.) получите вы не раньше, как через 5 лет, а в соиздательстве с милейшим Лейкиным не раньше, как через 21 год. Но, надеюсь, вы, как истый Грузинский, ждете от книги не финансов, а совсем иной пользы, о чем мы с вами уже и говорили. Издать книгу — это значит повысить свой гонорар и стать одним чином выше. Для пишущего книга, умело изданная, по значению своему равносильна стихии... Она влечет в храм славы и, что важнее и серьезнее всего, делает вас известным в кружках литературных, т. е. в тех, извините за выражение, ватер-клозетах, в которые, к счастью для человечества, допускается входить только очень немногим, но без которых пишущему индивиду обойтись невозможно (к несчастью, конечно). Как писать: к счастью или к счастью? Забыл.

Теперь вопрос: где издать книгу? Если хотите издать в «Осколках», то делайте это помимо Николая Александровича. Лейкин хороший человек, но Голике еще лучше. Если бы я был уверен, что после вашей смерти это письмо не попадет в руки Лейкина, то высказался бы перед вами смелее и с полной откровенностью; но так как письма мои вы бережете, то осторожно ставлю точку и молчу.

Издать у Суворина можно. Протежировать я берусь и письменно и устно. Суворин никогда вас не читал (он не читает газетной беллетристики, а в журналах пробегает рецензии — только), но он верит мне, ибо я еще его ни разу не обманывал, да и не обману, если предложу издать вашу книжку. Издать книжку очень возможно; он согласится и сейчас, но в тысячу раз *лучше*, если вы, прежде чем издавать, познакомитесь поближе с «Нов. вр.», т. е. напечатаете в нем 3 — 4 субботника. Суворину приятнее будет издать своего человека. Про вас я уже говорил обоим Сувориным: и отцу и сыну... Буду говорить и, буде пожелаете, писать Буренину. Можете быть уверены, что каждый ваш рассказ прочтется. В субботниках чувствуется большая нужда.

В Москве буду 5-6 сентября. Это письмо посылаю через (Чехов направил письмо по адресу нашего общего московского знакомого), ибо не знаю, где вы: планируете ли по Москве, или же воспитываете грядущее поколение в Киржаче. Поклон...

Ваш А. Чехов».

Помню, в первую пору знакомства с Чеховым мы вели оживленный спор о вещах, вошедших в его сборник «Пестрые рассказы». Некоторыми Чехов был очень недоволен, я отстаивал их и затем сказал:

— Но есть у вас рассказ, который чорт знает зачем попал в сборник. На вашем месте я ни за что бы его не включил!

— Какой это? — заинтересовался Чехов.

— «О вреде табака».

Мне показалось, что Чехов посмотрел на меня какими-то странными глазами; но затем он сказал раздумчиво:

— Нет, что же... «О вреде табака» не плохой рассказ...—Он добавил еще что-то в его защиту, все глядя на меня странными глазами, но я ответил упрямо:

— Не знаю... Может быть... Но я бы в свой сборник его не включил.

У меня создалось такое впечатление, что Чехов питает пристрастие к своему слабому детищу, подобно тому, как многие родители наиболее любят своих захудалых детей, и только уже после смерти Чехова, читая в первом томе его писем письмо к В. В. Билибину от

14 февр. 86 г., я узнал истинный взгляд Чехова на никогда не нравившуюся мне вещь:

«Работы очень много,— пишет Чехов.— Некогда даже обедать. Сейчас только что кончил сцену-монолог «О вреде табака», который предназначался в тайнике души моей для комка Градова-Соколова¹⁴. Имея в своем распоряжении только 2½ часа, я испортил этот монолог и... послал его не к чорту, а в «Пет. газ.». Намерения были благие, а исполнение вышло плохиссимальное»...

Письмо это писано Чеховым приблизительно за год до нашего спора о слабом монологе; кстатн: во второе издание «Пестрых рассказов» Чехов, насколько помню, этот монолог не включил¹⁵.

В одном из писем к Е. М. Ш.¹⁶, рассказы которой Чехов исправлял, шлифовал и рассылал по редакциям очень усердно, Чехов поминает обо мне и говорит, что я «тоже прошел через его цензуру». Чехов исправил 2-3 моих субботника, которые прошли в «Нов. времени» и за которые Суворин — помимо Чехова, ибо Чехов был удивлен этим гонораром — заплатил мне небывалый для нововременских новичков гонорар. Да еще Чехов просмотрел мой водевиль «Старый друг» и сделал мне много ценных указаний. В «Осколках» я напечатал длинный ряд рассказов еще до знакомства с Чеховым, а затем ни один мой рассказ из десятков и даже сотен, появившихся в «Пет. газете» или где бы то ни было, не был известен Чехову до появления его в печати. Я не люблю быть навязчивым, да и самая срочность постоянной работы в «Пет. газете» служила препятствием для какой-либо правки Чехова, тем более что я около трех лет до переезда в Москву писал в газету из глухого угла Владимирской губернии. Во время редактирования Чеховым беллетристического отдела в «Русской мысли»¹⁷ он не раз предлагал мне написать рассказ для журнала, а я не раз сообщал ему темы, на которые думал писать; некоторые темы Чехов вполне одобрил, но тут дело не дошло ни до правки, ни до цензуры Чехова, потому что никакого рассказа для «Русской мысли» я не написал.

Если откинуть узкий смысл правки рассказов, то безусловно я многим обязан Чехову, и влияние его на меня было очень велико. Он открывал мне тайны писательства, до которых без его помощи мне пришлось бы

бresti ощупью весьма продолжительный срок. Такие замечания Чехова, как: «для того, чтобы подчеркнуть *бедность* просительницы, не нужно тратить много слов, не нужно говорить о ее жалком, несчастном виде, а следует только вскользь сказать, что она была в *рыжей* тальме», были для меня целым откровением. Некоторые взгляды Чехова звучали парадоксально, но были в сущности верны. «Искусство писать,— говорил он мне,— состоит собственно не в искусстве писать, а в искусстве... вычеркивать плохо написанное». Так и бывает, так и должно быть с новичками, у которых есть дарование и есть вкус, принуждающий избегать вялости, серости, шаблона. Рукопись новичка должна пестреть десятками помарок, которые, впрочем, не всегда уменьшают ее размер; ведь на смену вялых, слабых, плохо изложенных мыслей являются новые яркие мысли, красивые слова. Позже рукописи могут быть прекрасными и без единой помарки, как были прекрасны рукописи Чехова, лишенные поправок, но это потому, что у людей, искусившихся в писательстве, процесс смены вялого жизненным и серого ярким происходит уже не на бумаге, а до перенесения слов и мыслей на бумагу в мозгу.

В одном письме ко мне Чехов писал:

«Стройте фразу, делайте ее сочнее, жирней. Надо рассказ писать 5-6 дней и думать о нем все время, пока пишешь, иначе фразы никогда себе не выработаете. Надо, чтобы каждая фраза прежде, чем лечь на бумагу, пролежала в мозгу дня два и обмыслилась. Само собой разумеется, что сам я по лености не придерживаюсь сего правила, но вам, молодым, рекомендую его тем более охотно, что испытал не раз на себе самом его целебные свойства, и знаю, что рукописи всех настоящих мастеров испачканы, перечеркнуты вдоль и поперек, потерты и покрыты латками»¹⁸.

По поводу этих перечеркнутых и испачканных рукописей мне пришлось как-то говорить с Чеховым. Ничуть не отрицая необходимости работать над рукописями, я ссылался на здравые, по моему мнению, слова одного из критиков, который говорил, что секрет творчества не в бесконечных поправках, иначе с помощью этих поправок можно бы создавать шедевры, но ведь этого не бывает, и каждый автор может дать вещь только

в меру своего дарования или таланта. Чехов этого не оспаривал.

Среди писательских заветов Чехова восьмидесятих годов неизменным было предостережение против тенденциозности писаний. В те годы Чехов был страшным врагом тенденциозности и возвращался к этому вопросу с каким-то постоянным и странным упорством и в зимние вечера в кабинете карнеевского дома, и в летние дни во время прогулок в бабкинском лесу; каждый раз наш разговор на эту тему заканчивался фразой Чехова:

— И что бы там ни болтали, а ведь вечно лишь то, что художественно!

В одном из писем, кажется, к Щеглову, Чехов обмолвился странным признанием, что не сумеет объяснить, почему ему нравится Шекспир и совсем не нравится Златовратский¹⁹. Но его заключительная фраза к речам о тенденциозности могла бы служить прекрасным ответом на вопрос о Шекспире и Златовратском.

Однако почему Чехов так упорно возвращается тогда к мыслям о тенденциозности? Мне кажется, этим его писательский организм реагировал на те упреки в «безразличии», «безучастии» и даже «беспринципности», которые по адресу Чехова рассыпали Михайловский, Скабичевский и другие специалисты критических дел.

Я познакомился с Чеховым, как уже поминал выше, в самом начале 87-го года. Один из русских писателей, рассказывая о первой встрече с Чеховым приблизительно в то же время, писал, что в лице Чехова он нашел много сходства с лицом простого деревенского парня; и это же подтвердил кто-то из его семьи²⁰. О таких субъективных впечатлениях не спорят. Мне же Чехов показался всего более похожим на интеллигентного, бесконечно симпатичного студента, каким в сущности он и был года за два, за три до нашей встречи. От этого времени сохранился замечательный портрет Чехова, дающий о нем превосходное представление. Мне он подарен Чеховым в апреле 1889 года (под надписью на портрете есть дата), но снят в Петербурге у Пазетти, кажется, годом раньше; лицо в три четверти; на Чехове пиджак, крахмальная сорочка и белый галстук.

Этот портрет мне всегда казался очаровательным благодаря тому выражению смелости, которое вообще

было свойственно Чехову, кроме дней тяжелой болезни, но которого нет, между тем, ни на одном из чеховских портретов, более или менее известных публике. Ведь даже письма Чехова дают представление о нем, как о смелом человеке, но на портретах его более не смелости, а задушевности и грусти.

В конце восьмидесятых годов у Чехова оставалось уже не так много необычайной жизнерадостности, о которой мне рассказывали общие знакомые, дружившие с Чеховым в годы его студенчества, и, между прочим, брат известного пейзажиста, тоже художник, Адольф Ильич Левитан.

— Во время наших пирушек Антоша был душой общества, — рассказывал Левитан. — Бог знает, чего только он не придумывал. Мы умирали от смеха.

Но болезнь в конце восьмидесятых годов еще не обострилась у Чехова, и иногда ему хотелось дурачиться. Он брал что-нибудь вроде рекламного прейскуранта аптекарского магазина, становился в позу и начинал нам читать этот прейскурант, делая скользкие, а иногда и совсем нецензурные примечания к названию и свойствам медикаментов. Остроумие искрилось в этих примечаниях, и даже люди, искусившиеся в юморе, не могли не смеяться. В первые дни нашего знакомства он очень уговаривал меня не уезжать и остаться в Москве на его именины, на которых он будет танцевать какую-то необычайную, никогда не виданную мною кадрили. Партнерами его по кадрили он называл, помнится, Левитана, брата Николая и Шехтеля²¹. Но я вернулся на службу раньше именин Чехова, и мне не удалось увидеть этой замечательной кадрили.

Подобно тому как он читал прейскуранты, Чехов однажды поднялся с кресла, взял со стола тоненькую тетрадку и, стоя посреди комнаты, жестикулируя, меняя голос, прочел нам очень живую и веселую пьеску. Это был только что законченный им «Медведь».

Читал Чехов мастерски, — известно, что в ранней юности он не без успеха выступал на сцене; всю пьеску он прочел свободно, не задыхаясь, не спадая с голоса, хотя от публичных выступлений на литературных вечерах уклонялся и тогда, и позже, ссылаясь на слабость голоса, на быструю утомляемость. От публичных вы-

ступлений его удерживал, по его собственному признанию, беспричинный и глупый страх толпы, чувство, которое было для него непреодолимым. В небольших компаниях не было человека общительнее его.

Среди других курьезов, когда-то в Москве вышла брошюрка, трактовавшая Чехова как какого-то уединенного философа; на самом деле Чехов не терпел одиночества и уединялся только от несимпатичных ему людей, от людей назойливых и не представлявших для него интереса. Но даже и от этих людей он не всегда уединялся. Одно время его одолел беллетрист Сергей Филиппов²², издававший какие-то спутники и путеводители и печатавший рассказы в «Русских ведомостях».

— Приходит, сидит целыми часами, — жаловался мне Чехов, — и целыми часами рассказывает какую-то чепуху.

— Да что именно?

— А чорт его знает что!

Чехов махнул рукой. Дня через два я зашел вечером к Чехову и как раз застал у него Сергея Никитича Филиппова; просидел Филиппов целый вечер, говорил не смолкая, и действительно рассказывал чорт знает что. Между прочим вздором он рассказал, что страшно боится покойников, и, когда у него умер отец, он, взрослый и, нужно заметить, весьма крепкий мужчина, дрожал от страха, не мог войти ночью в комнату, где лежало тело отца и чуть ли даже не смог проститься с покойником. Мне вся эта история показалась неправдоподобной, да и Чехов слушал ее хмуровато: боязнь покойника была еще менее понятна, еще менее могла понравиться Чехову как врачу. В лучшем случае, страхи этого здорового, бородатого мужчины были только трусостью и лестной рекомендации дать ему не могли.

С. Н. Филиппов одолевал Чехова в доме Корнеева. А когда Чехов переехал на М. Дмитровку в д. Фирганг, придя как-то вечером к Чехову, я застал неизвестного мне старичка с немецкой фамилией, который был тоже охотник поговорить, и едва я прислушался к его речам, на меня пахнуло С. Н. Филипповым. Чехов сидел в кресле, гладил мангуса и казался утомленным. К счастью, старичок с немецкой фамилией скоро ушел. Чехов оживился.

— Кто это? — спросил я.

— Писатель. Одолеет. Заговорил.

— Что же он пишет?

— Какие-то статьи в «Наблюдателе». Под псевдонимом²³. Вы не читали?

— Нет. А зачем он к вам ходит?

— А чорт его знает зачем!

Но даже от С. Н. Филиппова, даже от этого старичка-писателя Чехов не пытался уединиться; не пытался потому, что был не уединенный, а необычайно «общественный» человек. Мне он предлагал писать вместе с ним водевиль «Гамлет, принц датский»²⁴. А. С. Суворину предлагал писать большую пьесу; когда Курепин²⁵ надумал писать коллективный роман, Чехов тотчас согласился принять в нем участие; то и дело Чехов приглашал к совместным поездкам; с молодым Сувориным²⁶ собирался чуть ли не в Иерусалим, а мне говорил:

— Поедьте в Финляндию!

Или:

— А я еду в Петербург. Поедьте вместе.

Мне ни разу не случилось ездить с Чеховым в Петербург, но я провожал его на Николаевский вокзал при его поездках в Петербург очень часто. Чехов говорил мне, что при отъезде из дома его охватывает жуткое чувство одиночества, время на вокзале перед отъездом тянется чересчур тоскливо, и он рад, когда кто-нибудь из добрых знакомых возле него. Я же в Москве бывал только в каникулярное время, и дни мои были свободны. Помню один из подобных проводов ранней весной 87 или 88-го года. Дорога портилась, полозья саней скрипели, ударяясь об обнажившиеся камни и рельсы конки, и я не совсем доверчиво слушал фантазию Чехова на ту тему, что лошадь, которая нас везет на вокзал, должна испытывать удовольствие от своего труда. Но когда он мне передал тему рассказа, который просится под его перо, я решительным образом забраковал эту тему. В дополнение к тому, что я писал о неосуществившихся и пропавших романах и пьесах Чехова, скажу пару слов и про этот неосуществившийся рассказ.

Чехов передал мне, что ему хочется описать впечатления простого деревенского парня, который попал в большой город и в первый раз едет на извозчике. Живя

в глуши, бродя по лесным дорогам и по деревенским проселкам, я то и дело встречался с этими деревенскими парнями, проезжавшими мимо на бойких лошадях, а в дни свадеб и в дни масленичного катанья мчавшимися на отличных тройках с непрестанно звеневшими бубенцами. Ну, какое впечатление могла произвести и чем поразить такого парня езда на какой-нибудь заморенной московской кляче?

Я высказал Чехову свои соображения, он чуть-чуть поспорил со мной, но, насколько я знаю, рассказ на такую тему Чеховым не был написан.

Как удивительно противоречивы показания современников о Чехове, доказывает следующий факт. В воспоминаниях И. Н. Потапенки о Чехове имеются любопытные строчки:

«Творчество стыдливо, и у Чехова это было выражено ярче, чем у кого другого. Никогда он не писал в присутствии кого бы то ни было. Творческая работа Чехова чужого глаза совсем не переносила».

А К. С. Баранцевич, гостивший на юге у Чехова, рассказывает, что на столе в кабинете Чехова валялось несколько четвертушек бумаги, и на одной из них был начат Чеховым какой-то рассказ. За целую неделю, если судить на взгляд, в рассказе не прибавилось ни строчки, и всякий желающий мог свободно читать начатую работу Чехова. На даче околачивался какой-то почти неизвестный Чехову захолустный обыватель, и этот обыватель тоже мог читать чеховский набросок.

В этих противоречивых показаниях истина всецело на стороне К. С. Баранцевича.

Кроме первых лет юмористического скорописания, все остальные годы Чехов творил очень медленно, вдумчиво, чеканя каждую фразу. Но работая медленно и вдумчиво, Чехов никогда не делал из своей работы ни таинства, ни священнодействия, никогда его творчество не требовало уединения в кабинете, опущенных штор, закрытых дверей. У Чехова слишком много было внутренней творческой силы и той мудрости, о которой говорит тот же Потапенко — да и не один он, чтобы обставлять работу свою такими побрякушками.

Не думаю, чтобы я представлял исключение из общего правила, но при мне Чеховым были написаны

многие рассказы в «Пет. газету» (между прочим, «Сирена»²⁷), некоторые «Субботники» в «Новое время», многие страницы «Степи». Я потому запомнил «Сирену», что писал ее Чехов в Бабкине целый день, а кончив, обратился ко мне с просьбой:

— Прочитайте «Сирену», А. С.! Не пропустил ли я где-нибудь слова или запятой? Нет ли бессмыслиц? Кстати, это рекорд: рассказ написан без единой пометки.

«Сирена» была действительно написана без пометок; пока Чехов курил и устало потягивался, я прочел рассказ; все слова и все запятые были на своих местах; только в конце рассказа, там, где один из персонажей берется за шляпу, вместо шляпы стояла «шляпка». Чехов исправил опisku, сказав шутливо:

— Нужно исправить! — Он — не дама.

При мне и брате Иване Павловиче Чеховым был написан небольшой, но прекрасный рассказ о настоятеле монастыря, который так красиво рассказывал монахам о зле и соблазнах мира, что наутро все монахи покинули монастырь²⁸. Закончив рассказ, Чехов прочел нам его, и затем младший брат Чехова, Михаил Павлович, повез рассказ на Николаевский вокзал, чтобы сдать его на курьерский поезд.

Не делал секрета Чехов ни из своих тем, ни даже из своих записных книжек.

Однажды, летним вечером, по дороге с вокзала в Бабкино и Новый Иерусалим, он рассказал мне сюжет задуманного им романа, который, увы, никогда не был написан. А в другой раз, сидя в кабинете корнеевского дома, я спросил у Чехова о тонкой тетрадке:

— Что это?

Чехов ответил:

— Записная книжка. Заведите себе такую же. Если интересно, можете просмотреть.

Это был прообраз записных книжек Чехова, позже появившихся в печати; книжечка была крайне миниатюрных размеров, помнится, самодельная, из писчей бумаги; в ней очень мелким почерком были записаны темы, остроумные мысли, афоризмы, приходившие Чехову в голову. Одну заметку об особенном лае рыжих собак — «все рыжие собаки лают тенором» — я вскоре встретил на последних страницах «Степи».

В 1892 году из Москвы Чехов переехал в мелиховскую усадьбу, где мне приходилось бывать только изредка, всегда в компании с кем-нибудь; естественно, что при гостях Чехов не работал, но думаю, что его десятилетние писательские привычки остались те же.

В прекрасной книге жизни Чехова есть одна загадочная, как будто темная страничка; это — история с «Попрыгуньей»²⁹.

В восьмидесятых годах Чехов дружил в Москве с Софьей Петровной Кувшинниковой. Это была дама уже не первой молодости, лет около 40, художница-дилетантка, работою которой руководил Левитан. Никакой художественной школы, как я слышал, она не кончила. Муж ее был полицейским врачом, кажется, при Сущевской части. Раз в неделю на вечеринки Кувшинниковых собирались художники, литераторы, врачи, артисты. Часто бывали Чехов и Левитан. Я не был знаком с Кувшинниковой, но о ней много рассказывали жанрист Левитан, брат знаменитого пейзажиста, покойная артистка Малого театра Вера Сергеевна Васильева и кое-кто еще из друживших с Кувшинниковой лиц.

По общему отзыву Софья Петровна была женщиной интересной и незаурядной, хотя не отличавшейся красотой. В ней было что-то, что собирало в ее кружок выдающихся людей, но, кажется, стремления к оригинальности в ней было больше, чем подлинной, неподдельной оригинальности. Очень красочно и ярко В. С. Васильева описывала мне свою первую встречу с Кувшинниковой. Весенним солнечным утром в дачной местности, где стоял какой-то эскадрон и по знакомству можно было достать верховую лошадь, В. С. Васильева шла по лугу. И видит, что к ней летит стройная амазонка, в развевающемся капоте, с развевающимися волосами, с обнаженными ногами, вся — стремление, вся — порыв; легкий капот амазонки надет прямо на голое тело. Это и была Софья Петр. Кувшинникова, позже числившая В. С. Васильеву в числе ближайших друзей.

Когда в 1892 году в двух номерах «Севера» появился известный рассказ Чехова «Попрыгунья», в Москве заговорили, что Чехов героиню «Попрыгуньи» списал с Кувшинниковой, а любовь героини к художнику Рябовскому это — любовь Кувшинниковой к Левитану.

Неосторожность или ошибка Чехова в сюжете «Попрыгуньи» несомненны: взяв в героини художницу-дилетантку, в друзья дома он взял художника, да еще пейзажиста. Но еще большую ошибку он сделал, дав в мужья героине врача. Положим, муж Кувшинниковой был не выдающийся врач, будущее светило науки, как муж «попрыгуньи», а заурядный полицейский врач, но все в общем это увеличившее сходство семьи «попрыгуньи» с семьей Кувшинниковой и дало лишний повод различным литературным Тартюфам вопить по адресу Чехова: «разбой! пожар!», а Кувшинниковой и Левитану лишний повод к претензии на Чехова. Если бы Чехов сделал мужем «попрыгуньи» не врача, а ну, хотя бы педагога или инженера, у Тартюфов не нашлось бы материала для воплей о «пасквиле», о котором вопили весьма усердно.

Да, Чехов ошибся. Без этой ошибки история с «Попрыгуньей» была бы решительным вздором, потому что серьезный и вдумчивый Левитан совершенно не походил на ничтожного Рябовского, а пустельга-«попрыгунья» на Кувшинникову, во всяком случае не бывшее пустельгой. Чехов любил Левитана и карикатурить его не стал бы. Мне Чехов говорил о Левитане: «это еврей, который стоит пятерых русских», и с какою-то почти нежностью рассказывал, что, уехав в Италию, Левитан так стосковался там по русской природе, что быстро вернулся назад. У Левитана была тонкая, художественная натура; кроме живописи, он страстно любил музыку, и я помню, как однажды, очутившись в новом театре на «Гугенотах» с очень плохим составом исполнителей, он испытывал почти физическую боль при какофонии певцов (наши места были рядом) и бежал из театра за-долго до окончания оперы.

Наиболее отрицательным типом в «Попрыгунье» является Рябовский, потому что у самой «попрыгуньи» все же бывают минуты раскаянья и добрых порывов души, но и Левитан, разожженный Тартюфами, кончил тем, что с год или года полтора подулся на Чехова, а затем старая дружба поставила крест на истории с «Попрыгуньей» и не прерывалась до смерти Левитана в течение 6 или 7 лет. Рассердилась на Чехова и Кувшинникова, вероятно, под влиянием тех же Тартюфов, так как сорокалетней женщине — и притом не пустель-

ге — узнавать себя в двадцатилетней пустельге не было особых резонов. Я не знаю, состоялось ли примирение между Чеховым и Кувшинниковой, но, конечно, утверждение кого-то из «историографов» случая с «Попрыгушей», что от дома Кувшинниковой Чехову было «категорически отказано» — решительный вздор.

Характерно одно: московская сплетня, рассказывая о раздражении Кувшинниковой и Левитана, ни одним словом не поминала, как же на «Попрыгунью» реагировал муж? Из этого умолчания можно сделать вывод, что коллега Чехова по медицинскому факультету, как более уравновешенный человек, не придавал особого значения рассказу и смотрел на него не как на «пасквиль», а просто, как на художественную вещь, как на одну из лучших миниатюр творчества Чехова.

Софья Петровна Кувшинникова пережила и мужа, и Левитана, и Чехова и своею красивою смертью доказала, что она — не пустельга. Об ее смерти мне рассказывал Адольф Левитан. Живя в глуши под Москвою, на даче, она заразилась, ухаживая за каким-то одиноким и брошенным заразным больным, и умерла в несколько дней.

Художницей она была слабой. Я побывал на погребальной выставке ее картин в Московском обществе любителей художеств; картин хватило на целую выставку, но успеха выставка не имела.

Литературные Тартюфы, кроме «Попрыгуньи», называют «прямым пасквилом» и чеховскую «Ариадну»³⁰. В «Ариадне» Чехов будто бы вывел известную артистку Л. Б. Яворскую. Это уже решительный вздор.

Л. Б. Яворская в пору знакомства с Чеховым играла в московском театре Корша. Это была красивая, изящная женщина и не блестящая, но весьма и весьма интересная комедийная актриса. Благодаря ей и талантливой игре Яковлева (Наполеон) известная пьеса Сарду «Мадам Сан-Жен» при первой ее постановке в Москве прошла у Корша свыше ста раз в одном сезоне. Вся Москва бегала смотреть «Мадам Сан-Жен». И, действительно, Катрин Юбше в исполнении Яворской и Наполеона в исполнении Яковлева стоило и стоило смотреть. Чехов чуть-чуть был увлечен Яворской. Однажды, зайдя в театр Корша днем за редакционными билетами,

я увидал Чехова, выходящим откуда-то из глубины театральных недр.

* — Антон Павлович, что вы тут делаете? — с удивлением спросил я. — Я думал, вы в Мелихове. Ах, да! я и забыл, что вы ухаживаете за Яворской!

— Откуда вы знаете это?

— Откуда? Да об этом вся Москва говорит!

— Tout Moscou, tout Moscou! — рассмеялся Чехов, но в дальнейшем разговоре (мы ушли вместе) он отрицал ухаживания. А затем увлечение прошло, Яворская уехала из Москвы в Петербург, и мимолетному роману Чехова была поставлена точка.

Кто первым пустил в публику и затем в печать вздор об «Ариадне»?

Возможно, что сама же Яворская. Как актриса, Л. Б. Яворская любила рекламу, а вздор с «Ариадной» делал вокруг ее имени некоторую шумиху. Журналисты, явно нерасположенные к Чехову, делали вид, что верят сплетне, а искренно верили ей только люди малоосведомленные, плохо знавшие Чехова да и саму Яворскую. Решительно никакого «пасквиля» в «Ариадне» на Л. Б. Яворскую нет. Л. Б. Яворская была актриса, прежде всего — актриса и, как не актриса, была не мыслима. «Ариадна» же — не актриса и не причастна к сцене ни с какой стороны.

Большой труд А. А. Измайлова «Чехов», составленный из его газетных статей, не обработан и издан очень небрежно, с массой погрешностей, придающих совершенно неверное освещение фактам. Исправляю две-три, касающиеся моих сообщений.

Я как-то рассказывал Измайлову, что, зная доброту Чехова, братья-писатели не особенно церемонились с ним. Л. И. Пальмин однажды вызвал Чехова к себе, как к больному, телеграммой; когда же Чехов явился, оказалось, что Пальмина не было дома. Романист Прохоров-Риваль протащил Чехова через половину Москвы лечить горничную меблированных комнат, в которых он жил, от пустой головной боли. Последние 4 слова этой фразы у Измайлова опущены («Чехов», стр. 215) и получается явный вздор, как будто Чехов был специалистом по лечению, скажем, генералов, что ли, и лечить горничную считал ниже своего достоинства. Дело не в

том, что пациентка была горничной, а в том, что у ней была пустейшая головная боль, с которой она сама могла дойти до Чехова.

На стр. 166 «Чехова» Измайлов пишет:

«Юмористический жанр требовал таких жертв себе, что А. П. иногда считал нужным даже скрывать свое новое «произведение» от домашних. В одних из воспоминаний о нем (А. Грузинского) рассказан комический случай, как А. П., сам спрятавший вкладной лист «Осколков» с каким-то скабрезным рисунком, притворно помогал сестре, заинтересовавшейся номером, найти его».

Маленькое сообщение мое, черточка из жизни Чехова, и здесь спутано, сбито, и получается новый явный вздор, что Чехов иногда считал нужным скрывать от домашних свое новое произведение и потому прятал лист со скабрезным рисунком. Да что же Чехов рисовал в «Осколках» карикатуры, что ли? Ведь не мог же не знать Измайлов, что карикатур Чехов не рисовал!

Вот моя картинка из жизни Бабкина в июле 1887 года:

«Приносят почту. Среди газет № журнала «Осколки». В № очень забавный, но несколько легкомысленный рассказ Чехова о надворном советнике Семигусеве, на крыльце дома которого прачка на короткое время положила своего младенца («Беззаконие»). Надворный советник находит младенца, принимает его за своего собственного, подкинутого одной из его пассий со злобы, и чуть ли не идет с младенцем к жене каяться во грехах. В рассказе есть несколько фраз, к которым вполне применимы слова Беранже, говорившего, что он пишет не для институток. Нас зовут завтракать.

— Вы прочли «Осколки», А. С.? — спрашивает Чехов.

— Да.

— Я тоже. Нужно их прибрать.

Чехов запирает текст в стол и оставляет только картинки. После завтрака мы собираемся идти за грибами и на минуту возвращаемся в кабинет, кажется, затем, чтобы захватить папиросы.

— Антоша, пришли «Осколки»? — спрашивает сестра Чехова, в то время только что вышедшая из подростков.

— Пришли, — отвечает Чехов и подает сестре картинки.

— Антоша, а где же текст?

— Текст? Я не знаю, где текст. А. С., вы не брали текст? — спрашивает он у меня серьезно.

— Нет, не брал, — еще серьезней отвечаю я.

— Я тебе найду текст, Маша, — утешает сестру Чехов. — Только не сейчас, после...»

И все.

Вступление о юмористическом жанре — ничемно, потому что никаких жертв он не требовал. Лейкин не любил скабрёзных вещей, и Чехов да и другие сотрудники «Осколков» писали их крайне редко.

В восьмидесятых годах, когда я познакомился с Чеховым, он казался мне очень красивым, но мне хотелось услышать женское мнение о наружности Чехова, и я спросил одну женщину исключительной красоты, когда-то встречавшуюся с Чеховым, что представлял собой Чехов на женский взгляд?

Она ответила:

— Он был очень красив...

Подобно Щедрину, Чехов превыше всего ставил писательское звание, всегда интересовался писателями, большими и маленькими, и немало из этих последних вывел, или по крайней мере стремился «вывести в люди». Познакомившись у Чехова с Лейкиным, я на следующий день сказал Чехову, что первое знакомство с Лейкиным оставило во мне приятное впечатление. Чехов ответил:

— У Лейкина, как и у всех нас, есть свои недостатки. Но есть и достоинства. Лейкин прежде всего — литератор. И это нужно ценить. Возьмите Горбунова³¹: тот все дружит с генералами, а у Лейкина нет этих замашек. Для Лейкина прежде литератор, а затем — генерал.

Несмотря на наружную сдержанность, в характере Чехова было много азарта, страсти, увлечения тем делом, за которое он брался. С увлечением он ухаживал за своими цветами в Мелихове, с увлечением играл в крокет в Бабкине — помню, иногда партия затягивалась, на землю опускались густые сумерки, но Чехов не хотел бросать игры, и мы с Киселевым кончали партию, подставляя зажженные спички к невидимым шарам, — с

увлечением работал за письменным столом над рассказами, без чего, несмотря на большой талант, в книгах Чехова не было бы рассыпано так много превосходных вещей. Надумав писать субботник для «Нового времени», он отдавал всего себя теме и, случалось, по целой неделе сосредоточенно думал только о ней.

С легкой руки артистов Художественного театра³², которые нередко каждый тип на сцене снабжают каким-нибудь необычным говорком, во многих воспоминаниях Чехов заговорил удивительным языком, каким он никогда не говорил в действительности: «я же... вы же видите... послушайте же» и т. д. Чехов любил обращение «батенька», любил слово «знаете», — и только. Однажды я рассказал ему, что один из наших приятелей, человек женатый, увлекся знакомой барышней, очень красивой (к слову сказать, о красоте этой барышни есть отметки в чеховской переписке), и хочет просить у жены развода.

Чехов ответил задумчиво:

— Ну, батенька, не даст она развода ему!

— Почему?

— Просить развода у женщины... да, знаете, это то же, что сказать беллетристу: «мне не нравится ваш рассказ»!

В разговоре Чехова, как драгоценные камни, сверкали оригинальные сравнения, но в общем он говорил превосходным, правильным языком.

Кстати: Чехов угадал; наш приятель не получил от жены развода и до смерти, около двадцати лет, прожил с любимой женщиной, как говорили раньше, в «гражданском браке».

Чьи-то воспоминания рисовали Чехова чуть ли не трусом. Хотя оружие писателей, по определению самого же Чехова, — не огнестрельное оружие*, но память моя сохранила один случай, хорошо рисующий «трусость» Чехова.

Однажды, в жаркий июльский день, мы с Чеховым в большом лесу близ Бабкина собирали грибы. Чехов очень любил это занятие и, чтобы отправиться в лес,

* На сборнике «В сумерках» Чехов написал мне: «Собрату по оружию (не огнестрельному, — примечание для его начальства)».

делал после завтрака перерыв даже в срочной работе. Лес близ Бабкина был березовый, как я помнил уже, большой, и грибов в нем водилось — множество.

Сначала мы брели вместе, затем разошлись; вначале перекликались, затем потеряли друг друга, и Чехов перестал отзываться на мой призыв. Я жил лет семь перед этим в глухих лесах Покровского уезда, где в то время не совсем еще перевелись медведи, привык к лесу, но не мог поручиться, что быстро найду выход из бабкинского леса. Да и Чехов мог хватиться и искать меня где-нибудь в другой стороне. В результате, после некоторого раздумья, я пошел в ту сторону, где скрылся Чехов, и пройдя с полверсты, начал звать Чехова насколько мог громко:

— Антон Па-вло-вич!!!

Вдруг кусты невдалеке от меня затрещали, раздвинулись, и на поляну, где я стоял, широко шагая, вышел, почти выбежал Чехов. В одной руке у него покачивался тоненький хлыстик, которым он раздвигал траву, собирая грибы, в другой беспомощно трепыхалась корзинка с грибами.

— Что с вами, А. С.? — испуганно спросил Чехов.

— Со мной? Ровно ничего.

— Я думал, на вас волк напал!

Я рассмеялся и сказал, что если бы на меня напал волк, я не стал бы звать его на помощь, но это было бесконечно трогательно — с тоненьким хлыстиком, который едва ли вспугнул бы и зайца, он бежал, чтобы помочь мне отбиться от волка.

С тех пор прошло более тридцати лет, но и сейчас, как живая, стоит передо мной в березовом бабкинском лесу, с испугом в глазах, стройная фигура этого прекрасного писателя и благородного человека...

Воспоминания писателя Александра Семеновича Лазарева-Грузинского (1861—1927) печатаются по неопубликованной рукописи (глава из мемуарных материалов, подготовленных для печати Н. Ф. Бельчиковым). Частично напечатаны в «Московских ведомостях», 1914 г., 2 июля, № 151 и в сб. «Энергия», кн. III, П. 1914 г. Переписка А. П. Чехова с Лазаревым-Грузинским продолжалась с 1887 по 1904 г. См.: «Письма А. П. Чехова» под ред. М. П. Чеховой, т. I—VI.

¹ Эти рассказы напечатаны в «Новом времени» в 1886 г.

² Книга Д. Д. Минаева, «В сумерках». Сатиры и песни, СПб., 1868.

³ «Жены артистов» (перевод с португальского). Впервые напечатаны в альманахе «Будильник», М. 1882. Заглавие рассказа и отчасти его тема могли быть пародийно заимствованы у А. Додэ. — См. его «Жены артистов» («Отеч. записки», 1877 г., № 2).

⁴ Дрианский Егор Эдуардович, беллетрист и драматург 60-х годов.

⁵ Гирс Дмитрий, «Калифорнийский рудник» (Сцены прошлого). Оттиск из журн. «Отечественные записки», т. СХСІХ, отд. I был приобретен Чеховым с автографом Гирса. Позднее Чехов послал его в Таганрогскую библиотеку.

⁶ Билибин Виктор Викторович (1859—1903), писатель, юморист и фельетонист, автор многих одноактных пьес.

⁷ Рассказ напечатан в 1886 г.

⁸ Лазарев-Грузинский был преподавателем рисования и черчения учительской семинарии в Киржаче Владимирской губ.

⁹ В «Петербургской газете» Чехов печатался в 1885—1888 гг.

¹⁰ «Степь» напечатана в «Северном вестнике», 1888 г., кн. 3.

¹¹ Голике Роман Романович, один из редакторов-издателей журнала «Осколки» и владелец типографии в Петербурге.

¹² Имеется в виду книга А. П. Чехова, «Рассказы», СПб., изд. А. С. Суворина, 1888 г.

¹³ Первоначальное заглавие рассказа «Каштанка». Напечатан

в «Новом времени», 1887 г., 25 дек. № 4248. Отдельной книгой издан только в 1892 г.

¹⁴ *Градов-Соколов* Леонид Иванович, артист.

¹⁵ Монолог «О вреде табака» Чехов переработал в 1902 г. для Полного собрания сочинений. Он писал А. Ф. Марксу 1 октября 1902 г.: «В числе моих произведений, переданных Вам, имеется водевиль «О вреде табака», — что в числе тех произведений, которые я просил Вас исключить из полного собрания сочинений и никогда их не печатать. Теперь я написал совершенно новую ньесу под тем же названием «О вреде табака», сохранив только фамилию действующего лица, и посылаю Вам для помещения в VII томе».

¹⁶ Имеется в виду письмо Чехова писательнице Е. М. Шавровой от 20 июня 1891 г.

¹⁷ Чехов редактировал беллетристический отдел «Русской мысли» в начале 900-х годов.

¹⁸ Письмо от 13 марта 1890 г.

¹⁹ Письмо к И. Л. Щеглову от 22 марта 1890 г.

²⁰ Имеются в виду воспоминания В. Г. Короленко о Чехове.

²¹ *Шехтель* Федор Осипович (1859—1926), друг Ник. П. Чехова. Был в близких отношениях с А. П. Чеховым.

²² *Филиппов* Сергей Никитич (1863—1910).

²³ Под псевдонимом («Ал. Молотов») печатался в журн. «Наблюдатель» в 1892—1893 гг. Александр Карлович Детенгоф.

²⁴ Об этом неосуществившемся намерении Чехова Лазарев-Грузинский написал более подробно в статье «Пропавшие романы и пьесы Чехова» — см. сб: «Энергия», кн. III, П. 1914 г.

²⁵ *Курепин* Александр Дмитриевич (1847—1891), журналист и драматург.

²⁶ *Суворин* Алексей Алексеевич, сын А. С. Суворина.

²⁷ Рассказ, напечатан в «Петербургской газете», 1887 г. 24 авг. № 231.

²⁸ Имеется в виду «Сказка», напечатанная в «Новом времени», 1888 г., 1 января, № 4253. В собрании сочинений этот рассказ именован «Без заглавия».

²⁹ Рассказ, напечатан в журнале «Север», 1892 г., №№ 1 и 2.

³⁰ Рассказ, напечатан в «Русской мысли», 1895 г., № 12.

³¹ *Горбунов* Иван Федорович (1831—1895), артист-рассказчик и беллетрист.

³² Имеются в виду — «Из воспоминаний об А. П. Чехове в Художественном театре», собранные Л. А. Сулержицким. Напеч. в альманахе «Шиповник», кн. 23, П. 1914.